

ИСТОРИЯ

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО СУДОХОДСТВА НА КАСПИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1730–1740-гг.

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук

Астраханский государственный университет
414026, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

В статье анализируется влияние морского разбоя (пиратства) на Каспийском море на состояние российско-персидских межгосударственных отношений во второй четверти XVIII в. в период активизации политики Персии на Кавказе и ослабления российского военного присутствия в Каспийском регионе, обусловленного выполнением условий Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров.

Ключевые слова: Россия, Персия, Каспийское море, пиратство, внешняя политика.

PROBLEM OF SAFETY OF TRADING NAVIGATION ON THE CASPIAN SEA AND ITS INFLUENCE ON THE RUSSIAN-PERSIAN RELATIONS IN 1730–1740

Toropitsyn Ilya V., Ph.D. (historic)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

In article influence of sea robbery (piracy) on the Caspian Sea on a condition of the Russian-Persian interstate relations in the second quarter of the XVIII century in activization of policy of Persia in the Caucasus and weakening of the Russian military presence at the Caspian region, caused by performance of conditions of Reshtsky (1732) and Gyandzhinsky (1735) of contracts is analyzed.

Keywords: Russia, Persia, Caspian Sea, Piracy, Foreign policy.

Вопросы безопасности во все времена оказывали важное влияние на динамику торгового оборота. Стабильная ситуация привлекала деловых людей, а отсутствие безопасности сдерживало движение капиталов и товаров. С данной проблемой сталкивались все державы. В западноевропейских государствах крупные торговые компании вынуждены были нанимать военные корабли для сопровождения караванов своих судов. В условиях отсутствия в России страховых обществ, к услугам которых прибегали зарубежные торговые компании, функции обеспечения безопасности в пути целиком брало на себя государство.

Торговля со странами Востока, в первую очередь с Персией, имела большое значение для России. Ежегодно в Астрахань прибывали многочисленные сухопутные караваны, а также множество судов, на которых доставлялись в Россию восточные ткани, сафьян, шелк-сырец и другие товары. За XVII столетие в этом порубежном городе сформировались крупные колонии восточных купцов и ремесленников из Средней Азии, Персии, Индии. Через Астрахань проходил важный восточно-европейский торговый маршрут, которым пользовались купцы армянской Джульфинской компании. Для участия в товарообмене с восточными купцами в Астрахань каждый год съезжались купцы из многих русских городов, крупное купечество отправляло свои товары морем в Персию. Русско-восточная торговля, осуществлявшаяся через Астрахань, приносила российской казне ощутимый доход. Не удивительно, что власти стремились обеспечить ее безопасность, выделяя для сопровожде-

ния купеческих судов вооруженный конвой. Во времена Петра I в Астрахани был создан специальный Яхтинский полк, перед которым царь поставил задачу обеспечить охрану торговых судов путем «искоренения» морских разбоев. После его расформирования за участие в Астраханском восстании 1705–1706 гг. вопросы судоходства на Каспии перешли в ведение специально назначенного морского офицера Я. Рентеля, направленного в 1707 г. из Воронежа на службу в Астрахань для управления казенным коммерческим флотом.

Усиление военно-морского присутствия России на Каспии в первой четверти XVIII в., включение в состав России прикаспийских провинций Персии способствовали установлению более полного контроля российской администрации над сухопутными и морскими торговыми путями, ведущими из Закавказья и Персии к Нижнему Поволжью. Эти шаги положительным образом повлияли на безопасность торговли во всем регионе. Однако как только российское государство ослабило здесь свое присутствие, морской разбой на Каспии вновь начинает набирать обороты.

Насколько можно судить из переписки российских дипломатов и консулов с центральными и пограничными властями, в России и Персии данной проблеме придавали серьезное значение. Представление об этом дают сочинения М.Д. Чулкова, В.А. Ульяницкого и других российских ученых XVIII–XIX вв. [1, 18, 19]. Из трудов иностранных авторов наибольший интерес для раскрытия данной темы представляют сочинения Джона Ганвея и Джона Кука, изданные во второй половине XVIII в. [21, 22, 23]. Оба автора в 1740-х гг. находились в Астраханской губернии и имели возможность из первых рук получить интересующие их сведения о коммерции, осуществлявшейся в Каспийском регионе. Первый автор являлся представителем британской Русской торговой компании, по заданию которой побывал в Персии. Фактически труд Дж. Ганвея послужил источником для многих отечественных и зарубежных исследователей, затрагивавших тему русско-иранских отношений в первой половине XVIII в. Что касается сочинения Дж. Кука, то этот важный источник до сих пор оставался неизвестным широкой научной общественности и потому представляет особый интерес. Автор служил морским лекарем в Астрахани в 1740-х гг. и был хорошо осведомлен в вопросах, связанных с морским судоходством. Поэтому его оценки и характеристики действующих лиц имеют большое значение.

Наличие указанных трудов, казалось бы, должно было обеспечить исследователей необходимой источниковой базой, но представители современной зарубежной историографии незаслуженно игнорируют произведения данных авторов, неправомерно отождествляя пиратов, действовавших во второй четверти XVIII в. на Каспии, с казаками, проводя параллели с событиями XVII в. во время похода отрядов С. Разина в Персию [20]. В современной российской историографии наиболее обстоятельное исследование, связанное с темой пиратства на Каспии, принадлежит М. Кирокосьяну, но и этот исследователь использовал преимущественно опубликованные труды и источники по интересующей нас теме отечественных авторов, не привлекая новые архивные материалы [11].

Таким образом, проблема безопасности торгового судоходства на Каспии в послепетровский период (вторая четверть XVIII в.) не получила должного освещения, а между тем она играла важную роль не только в сфере экономического взаимодействия России с Персией – главным торговым партнером России на Каспии, но и в российско-персидских межгосударственных отношениях.

Причины развития пиратства на Каспии следует искать в активизации торговли между Россией и Персией и в изменении геополитической ситуации в данном регионе. Как отмечал командующий русским корпусом в Персии генерал-лейтенант В.Я. Левашов, «по выступлении из Персии российских войск остались здесь воровские люди, которые поданных персидских грабят и уходят на один остров, где они убежище свое имеют». Персидские власти не располагали военным флотом на Каспии, поэтому вынуждены были обратиться за содействием к российской стороне. По словам российского резидента в Персии И. Калушкина, генерал-лейтенант В.Я. Ле-

вашов пообещал предоставить им военные суда для этой цели, и с тех пор (1735 г.) персидские власти не переставали требовать от российских представителей в Персии выполнения данных обещаний [14].

Российские власти не оставались безучастными наблюдателями происходящих на Каспийском море событий. В условиях начавшейся войны с Турцией Россия прикладывала усилия к тому, чтобы Персия поддержала ее военными действиями против турок, поэтому делалось все возможное, чтобы никакие инциденты не омрачали двусторонние российско-персидские отношения. В марте 1736 г. астраханский губернатор И. Измайлов сообщил резиденту в Персии И. Калушкину, что намерен предпринять действенные меры по наведению порядка в бассейне Каспийского моря. Военным было приказано «всевозможное старание иметь и таким воровским людям чинить экзекуцию в тех местах, где оные пойманы будут, а ежели при том у них какие ограбленные товары и вещи найдутца, оные отдать хозяевам...». При этом губернатор просил резидента сообщить персидским властям, что эти действия будут приняты с целью показать доброжелательное отношение российского государства к Персии [11].

Первоначально астраханские власти планировали направить на борьбу с пиратами два морских судна «с пристойным числом военных людей». Эти силы должны были выступить «первым путем нынешнею весною», как уверял резидент астраханский губернатор [11]. Однако их отправка задержалась. В конце марта И. Калушкин вынужден был написать вице-канцлеру графу А.И. Остерману, что персидские власти объявили ему о новых фактах разбойных нападений пиратов на прибрежные персидские селения. «Именем его шахова величества» персидские представители потребовали от российской стороны направить «против тех воров для искоренения оных обещанные с российской стороны гекботы как можно скорее». Персидский шах даже дал указание тарковскому шамхалу, чтобы он обеспечил безопасный проезд от Дербента до Кизляра для российского курьера, которого должен был отправить И. Калушкин с письменной просьбой по направлению военных судов для борьбы с пиратством на Каспии [12].

Акцентируя внимание графа А.И. Остермана и астраханского губернатора на значимости для персидских властей данной проблемы, И. Калушкин подчеркивал ее связь с общеполитическими задачами, стоявшими перед Россией на Ближнем Востоке. По его сведениям, Надир-шах с армией намеревался выступить в поход к городу Тевризу. Это вселяло в резидента надежду, что персидская армия может «оружие свое против турок с той стороны к Эрзеруму обратить, ибо расстояние от Тевриза до турецких границ ближе, нежели от здешней стороны» (имеется в виду Муганская степь). Как следует из донесения И. Калушкина, в течение зимы 1736 г. он по заданию российских властей неоднократно делал «представления» персидским официальным лицам с целью склонить их к активным военным действиям против Турции. В этой ситуации, по мнению И. Калушкина, положительную роль могли сыграть любые действия России, которые демонстрировали бы ее доброжелательное отношение к Персии. К их числу, без сомнения, относился и вопрос обеспечения безопасности прикаспийских персидских селений, подвергавшихся нападениям морских разбойников, среди которых были не только туркмены, но и российские подданные. «Понеже довольно изволите ведать, – подчеркивал резидент в письме к астраханскому губернатору, которое приложил к донесению в адрес графа А.И. Остермана, – о великодушном снисхождении Ея императорского величества к персидскому государству, и какая важность при нынешних обстоятельствах требует его шахову величеству во искоренении тех воровских людей показать угождение...» [12].

Несмотря на эти обстоятельства, российские военные приступили к выполнению этой задачи только в августе 1736 г. Однако не только россияне разбойничали в то время на Каспии. Значительное беспокойство прикаспийским владениям Персии доставляли жители Огурджинских островов. Персидские власти отмечали, что огурджинцы «чинят к побережным персидским городам частые набеги, от чего жите-

ли претерпевают крайнее разорение». О значимости этой проблемы говорит уже тот факт, что, вступив в 1736 г. на персидский престол, Надир-шах Афшар приказал своему векилю Тамасу выступить «сухим путем» против огурджинцев, «живущих подле Трухмени». Как отмечал резидент И. Калушкин, для действий против этих разбойников персидских шах еще в 1735 г. просил у российских властей транспортные суда [2].

Участившиеся в конце 1730-х гг. факты нападений русских пиратов на торговые суда и прибрежные селения вынудили российские власти перейти от разовых мероприятий к системной работе по противодействию пиратству на Каспии. Сенатский указ от 13 июля 1739 г. предписывал астраханским властям на регулярной основе направлять по два военных корабля на Каспий «для искоренения российских воровских людей и охранения от разбоев как российских, так и персидских судов» [11, с. 98]. Однако выполнить данное предписание не всегда было возможно. Например, в первой половине 1740-х гг. не только весь казенный флот на Каспии, но и все пригодные купеческие корабли были мобилизованы астраханскими губернскими властями для доставки армейских полков и провианта из Астрахани в Кизляр ввиду опасности возникновения военного конфликта с Персией. К тому же часть казенных судов постоянно использовалась для связи с русскими дипломатическими и торговыми представителями в Персии, привлекалась для перевозки персидского и российского посольств, обеспечивала карантинный режим в дельте Волги и т.д. Кроме того, губернские власти не всегда располагали достаточными силами, чтобы противостоять пиратским шайкам, так как силы местного гарнизона были ограничены [14, с. 254–282; 15, с. 95–100; 16, с. 242–246].

В силу объективных обстоятельств российским военным кораблям было сложно бороться с пиратами на Каспии [17, с. 59–63]. Разбойники использовали лодки, которые были более маневренными, чем суда, и легко могли затеряться в прибрежных зарослях камыша. В этих условиях судовладельцам приходилось, не полагаясь на защиту военных кораблей и солдат, действия которых не всегда были эффективны, самостоятельно принимать необходимые меры предосторожности, вооружая свои команды и проявляя предельную бдительность при нахождении вблизи персидского побережья. Как показывала практика, встретив решительный отпор со стороны экипажа и пассажиров торговых судов, пираты нередко отказывались от возможной добычи. По этой причине пограничные власти старались своевременно оповестить о грозящей опасности купцов и судовладельцев как находящихся в России, так и в Персии, в том числе и по дипломатическим каналам, с тем, чтобы они со своей стороны принимали соответствующие меры предосторожности.

Как правило, купцы и экипаж судов старались избежать встречи с пиратами, а если этого не удавалось, то далеко не всегда стремились оказать им сопротивление во избежание больших неприятностей. По словам Дж. Кука, пираты, приближаясь к торговым судам, приказывали, чтобы пассажиры и экипаж подчинились им: упали на палубу, закрыли лица и лежали в этом положении, пока они не уйдут. «Они, соответственно, повинуются, – пишет Дж. Кук, – поскольку они не любят бороться, и пираты берут то, в чем они нуждаются, и отбывают, не рана мужчин или судно, но если кто-либо посмотрит вверх, когда пираты на борту, они рискуют быть немедленно убитыми» [22, р. 351]. Впрочем, по словам морского лекаря, армянские купцы всегда смело сопротивлялись пиратам, и последним далеко не всегда удавалось выиграть бой с ними, если, конечно, они значительно не превосходили армян в численности и вооружении [22, р. 351]. Таким образом, успех в отражении пиратского нападения практически целиком зависел от численного соотношения сил и личной храбрости сражавшихся.

Подтверждением этому может служить донесение российского консула в Персии В. Бакунина, в котором он критично отозвался о мерах безопасности, принимаемых российскими купцами. По его словам, на коммерческих судах бывает от 5 до 6 пушек, но они, по большей части, оказываются неисправными, к тому же пороху к ним дается всего один пуд. Консул предложил вооружить российские торговые суда

12–14 пушками, выдать командам фузеи, палаши и копья, «а особливо потребное число гранат и пороху». По мнению В. Бакунина, у морских разбойников, «зная исправное на судах купеческие оружия довольство, нападать и озорничества чинить отваги и повадки не будет». Еще одним предложением В. Бакунина, направленным на противодействие пиратству, стала идея основать постоянное российское военное представительство в Среднем Каспии. Консул предложил построить крепость на одном из островов, расположенных напротив Апшеронского полуострова. Вокруг нее со временем могло бы образоваться российское торгово-промышленное поселение. Военный гарнизон крепости и жители поселка, по мнению И. Бакунина, служили бы сдерживающим фактором не только для беглых в Персию российских подданных, но и «особливо для воров и разбойников, которым в проезде своем для разбоя и воровства к Баке и к прочим местам миновать невозможно эти острова» [18, с. CDLXV, CDLXVII].

Следует отметить, что у каспийского пиратства помимо социально-экономической стороны был еще один важный аспект – делавший это явление чрезвычайно политизированным. Персидские власти в 1730–1740-х гг. были заинтересованы в притоке в свою страну специалистов, знавших мореходное дело, поэтому стремились не уничтожать пиратов, а нейтрализовывать их и привлекать на свою сторону. Российским властям было известно об этом. Так, 19 июня 1737 г. резиденту И. Калужкину из Санкт-Петербурга был дан указ, чтобы он добивался от персидских властей выдачи трех русских пиратов, захваченных персами. При этом внимание резидента обращалось на то, что персидские «пограничные управители» сами провоцируют появление новых морских разбойников, так как «вместо того, чтоб их для достойного наказания не токмо в нашей стороне, но и в Персии само посылаемому из Астрахани на судах офицеру или консулу нашему в Гиляне, обретающемуся Арапову отдать, у себя оставили и публично при себе держат со всякою свободностью и з должным награждением». Эти действия персидских чиновников, по мнению российских властей, не только не способствуют искоренению морского разбоя на Каспии, но наоборот приводят к появлению новых пиратов [15].

В 1737 г. в ответ на очередное обращение персидского посла, жаловавшегося на разбой русских подданных на Каспии, Коллегией иностранных дел было вручено ему «Изъяснение о ворах, бывших на Каспийском море из российских людей, которые по поимке их удержаны в Персии, а в Россию не отданы». В нем говорилось, что взятые персами в плен пираты используются персидскими властями в провинции Мазандаран «у строения судов», по приказу местного Таги-хана подговаривают к побегу с русских судов музуров, и уже уговорили, таким образом, 11 человек. Кроме них, еще 12 «воров» «по приказу Шемахинского хана одеты в хорошее платье и содержатся в Шербани в довольстве». Коллегия иностранных дел не преминула указать, что российский консул требовал их выдачи, представляя, что, принимая и защищая их, персидские власти поощряют развитие на море разбоев, от которого сильно страдают купцы. Персидские власти отговаривались неведением о таких фактах и со своей стороны упрекали российскую сторону в том, что «такие воры из России к ним приходить попускаются и Россия их на море ловить должна» [18, с. CCCXXXII].

Несмотря на эти заявления персидских чиновников, факты свидетельствуют о заинтересованности персидских властей в привлечении на свою службу выходцев из России. Так, в 1744 г. кизлярский комендант князь В.А. Оболенский докладывал в Астрахань, «якобы персидской шах дербентского губернатора указом определил, чтоб появившихся нынешнего лета на море русских воров переловить и, надев на них персидское платье, довольствовать писчею и жалованьем, до его шахова указа, ис которых воров по письму того дербентского губернатора в Баке якобы поймано 18 человек» [16].

В начале сентября 1744 г. из Кизляра в Решт к консулу В. Бакунину приехал казанский татарин Я. Тюкаев, привлекавшийся Астраханской губернской канцелярией к выполнению тайных разведывательных миссий за рубежом, который рассказал, что

виделся в Баку с русскими морскими разбойниками. Они поведали ему, что «желают принять шахову протекцию и службу», о чем сообщили шаху. «А при тех де разбойниках, когда они в Баку приехали, было три пушки, ружей сорок и награбленных ими пожитков многое число да одна большая лодка расшива», – комментировал Я. Тюкаев. Все это имущество бакинский хан, по словам Я. Тюкаева, отнял у пиратов и «ни единого ножа при них не оставил», но сохранил им свободу передвижения по городу, однако, за его пределы не выпускал [17].

Получив информацию об этом, астраханский губернатор В.Н. Татищев написал к консулу И. Бакунину, чтобы он «об них (пиратах. – *И.Т.*) наведася, и если оные у персиян пойманы, об отдаче их всячески прилежал» [18]. Российский консул, в свою очередь, обратился к резиденту В. Братищеву, чтобы он «при шаховом дворе об отдаче оных» приложил старание [18, с. CDXXXVIII].

Однако добиться выдачи из Персии пойманных там русских пиратов являлось крайне трудным делом. Не только персидский шах, но и местные начальники желали использовать этих людей для создания различных судов на Каспии. На этот счет Коллегия иностранных дел еще в 1736 г. сформулировала свою позицию. Консулу С. Арапову было приказано, если персидские власти не выдадут по его требованию пойманных русских пиратов, «в таком случае, не входя ни в какие с ними сороры, объявить им, чтоб они сами делали, что изволят, а ты только по должности своей ко двору ея имп. вел-ву донесешь» [18, с. CCCXXXI–CCCXXXII]. В этом проявилось очевидное бессилие российской дипломатии. Коллегия иностранных дел фактически признала, что у нее нет действенных рычагов влияния на политику Персидского государства в тех сферах, где затрагивались интересы персидских властей.

Тем не менее, перед русскими представителями в Персии не снималась задача добиваться от персидских властей выдачи морских разбойников из числа русских подданных. На этот счет 30 ноября 1744 г. Коллегия иностранных дел указала И. Бакунину, что одобряет предпринятые им действия, но просит активизировать усилия и написать письмо непосредственно к бакинскому хану с требованием выдачи задержанных в Баку русских пиратов [18, с. CDXXXVIII]. В рескрипте Коллегии иностранных дел резиденту В. Братищеву от 6 июня 1745 г. также подтверждалась задача требовать от персидских властей выдачи беглых русских разбойников [18, с. CDLV].

Как видим, пиратство на Каспии являлось немаловажным фактором, влиявшим не только на состояние русско-персидской торговли, но и на двусторонние межгосударственные отношения. Власть двух государств вынуждены были уделять повышенное внимание этому фактору, направляя воинские команды на искоренение морских разбоев, действовавшие на суше и на море, так как от разгула пиратства страдали купцы обеих стран. Однако полностью обеспечить безопасность грузоперевозок между российскими и персидскими портами, несмотря на локальные успехи в борьбе с пиратством, не представлялось возможным. Это признавали как российские власти, так и персидские. Так, Коллегия иностранных дел в 1746 г. указывала в донесении в Сенат, что морской разбой на Каспии стал, по сути, обыденным явлением, что занимаются этим промыслом, преимущественно, российские люди, «как и ему шаху ведомо, что беглые из Астрахани воры часто на Каспийском море случаются и купецкие суда разбивают» [12].

Интересно, что обе стороны в 1740-х гг. пытались даже извлечь выгоду от присутствия пиратов на Каспийском море. Персидская сторона, например, стремилась захватить их в плен и использовать в качестве судостроителей и матросов на своих судах. Российские власти, наоборот, использовали фактор пиратства на Каспии как прикрытие для реализации своих политических целей. Так, по мнению Коллегии иностранных дел, морской разбой должен был послужить оправданием к невыдаче российской стороной персидским властям Хусейн-хан, который «ретиrowался» из Персии в Россию. В январе 1743 г. граф А.П. Бестужев-Рюмин советовал астраханскому губернатору В.Н. Татищеву в случае претензий по этому поводу со стороны персидских властей не отрицать данного факта, но и не подтверждать его. «Надлежит

кратко ответствовать, – говорилось в указе, – что в нашей стороне нигде его не видали. Может быть, разве к каким степным народам пристал, где его и найти трудно, в чем на нашу сторону и нарекания какого чинить причины не имеется: понеже шаховым министрам памятно быть может, каким образом в прошедших годах из наших подданных в немалом числе воры и разбойники, учиня многие в нашей империи и на Каспийском море купцам нашим грабежи и смертные людям убивства, ушли в сторону персидскую и ныне тамо иные в скрытых местах, а другие и явственно обретаются, а некоторые из них и к делу судов морских употреблены». И хотя российские власти неоднократно требовали их выдачи, разъянял А.П. Бестужев-Рюмин, персидская сторона игнорирует эти просьбы. Несмотря на это, Россией «в разсуждении содержания, имеющей с персидским государством дружбы и доброго согласия, никаких репрессалий не чинено...» [19].

В другом эпизоде, имевшем место в середине 1740-х гг., Коллегия иностранных дел разрабатывала планы по уничтожению персидских кораблей на Каспии с помощью диверсионных групп, деятельность которых рекомендовалось маскировать под действия пиратов, «дабы шах, уздав о таком потерянии корабля подумал бы, что оно над ним российские люди яко разбойники своевольно, а не по здешнему научению сделали» [12]. В дальнейшем команда мичмана Токмачева, служившего в Астрахани, поступила именно таким способом: солдаты высадились под видом пиратов на персидское побережье и сожгли два корабля, построенные англичанами для Персии.

Список литературы

1. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург, 1869. – Ч. 1.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 1.
3. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 6об.
4. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 3об.–4, 6об.–7.
5. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 1–1об.
6. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 591. – Л. 13об.–14.
7. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 44. – Л. 123.
8. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 44. – Л. 169об.–170.
9. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 44. – Л. 100.
10. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1, доп. 871. – Л. 73.
11. Кирокосьян М. Пираты Каспийского моря / М. Кирокосьян. – Астрахань : Чилим, 2007.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 19. – Оп. 1. – Ед. хр. 269. – Л. 43.
13. РГАДА. – Ф. 19. – Оп. 1. – Ед. хр. 269. – Л. 42об.–43.
14. Торопицын И. В. В.Н. Татищев и деятельность Персидской экспедиции на Кавказе. Подготовка к отражению вторжения Надир-шаха на Россию / И. В. Торопицын // Архив русской истории. – Москва : Древлехранилище, 2007. – Вып. 8.
15. Торопицын И. В. Влияние карантинных мероприятий на состояние русско-восточной торговли и торгового судоходства в Каспийском бассейне во второй четверти XVIII в. / И. В. Торопицын // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2009. – № 3/69. – Серия «История».
16. Торопицын И. В. Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. / И. В. Торопицын // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее : мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). – Элиста : Джангар, 2009. – Ч. 1.
17. Торопицын И. В. Борьба с пиратством на Каспии в 1730–1740-х гг. / И. В. Торопицын // Военно-исторический журнал. – Москва, 2011. – Вып. 10.
18. Ульяницкий В. А. Русские консульства за границу в XVIII в. / В. А. Ульяницкий. – Москва : Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. – Ч. II.
19. Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым / М. Д. Чулков. – Москва, 1785. – Т. II. – Кн. II.

20. Barrett T. M. *Lines of Uncertainty: The Frontiers of the Northern Caucasus* / T. M. Barrett // *Imperial Russia: new histories for the Empire*. – Bloomington : Indiana University Press, 1998.
21. Cook J. *Voyages and travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia* / J. Cook. – Edinburgh, 1778. – Vol. I.
22. Cook J. *Voyages and travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia* / J. Cook /. – Edinburgh, 1770. – Vol. II.
23. Hanway J. *An historical account of the British trade over the Caspian sea* / J. Hanway. – London, 1753. – Vol. I.

References

1. Butkov P.G. *Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* St. Petersburg, 1869, vol. 1.
2. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)*. F. 394, Op. 1, D. 591, L. 1.
3. *GAAO*. F. 394, Op. 1, D. 591, L. 6ob.
4. *GAAO*. F. 394, Op. 1, D. 591, L. 3ob.–4, 6ob.–7.
5. *GAAO*. F. 394, Op. 1, D. 591, L. 1–1ob.
6. *GAAO*. F. 394, Op. 1, D. 591, L. 13ob.–14.
7. *GAAO*. F. 394, Op. 1 dop., D. 44, L. 123.
8. *GAAO*. F. 394, Op. 1 dop., D. 44, L. 169ob.–170.
9. *GAAO*. F. 394, Op. 1 dop., D. 44, L. 100.
10. *GAAO*. F. 394, Op. 1, dop. 871, L. 73.
11. Kirokos'jan M. *Piraty Kaspijskogo morja*. Astrakhan: Chilim, 2007.
12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)*. F. 19, Op. 1, Ed. hr. 269, L. 43.
13. *RGADA*. F. 19, Op. 1, Ed. hr. 269, L. 42ob.–43.
14. Toropicyn I.V. V.N. Tatiwev i dejatel'nost' Persidskoj jekspedicii na Kavkaze. Podgotovka k otrazheniju vtorzhenija Nadir-shaha na Rossiju. *Arhiv russoj istorii*. Moscow: Drevlehraniliwe, 2007, vol. 8.
15. Toropicyn I.V. Vlijanie karantinnyh meroprijatij na sostojanie russo-vostochnoj trgovli i trgovogo sudohodstva v Kaspijskom bassejne vo vtoroj chetverti XVIII v. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. Samara, 2009, no. 3/69. Serija «Istorija».
16. Toropicyn I.V. Oborona kalmyckih ulusov v 30–40-h gg. XVIII v. *Edinaja Kalmykija v edinoj Rossii: cherez veka v buduwee*. Elista: Dzhangar, 2009, vol. 1.
17. Toropicyn I.V. Bor'ba s piratstvom na Kaspii v 1730–1740-h gg. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. Moscow, 2011, vol. 10.
18. Ul'janickij V.A. *Russkie konsul'stva za graniceju v XVIII v.* Moscow: Tipografija G. Lissnera i A. Geshelja, 1899, vol. II.
19. Chulkov M.D. *Istoricheskoe opisanie rossijskoj kommercii pri vseh portah i granicah ot drevnih vremen do nyne nastojawego, i vseh preimuwestvennyh uzakonenij po onoj gosudarja imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno carstvujucej gosudaryni imperatricy Ekateriny Velikija, sochinennoe Mihailom Chulkovym*. Moscow, 1785, vol. II, book II.
20. Barrett T. M. *Lines of Uncertainty: The Frontiers of the Northern Caucasus* / T. M. Barrett // *Imperial Russia: new histories for the Empire*. – Bloomington : Indiana University Press, 1998.
21. Cook J. *Voyages and travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia* / J. Cook. – Edinburgh, 1778. – Vol. I.
22. Cook J. *Voyages and travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia* / J. Cook /. – Edinburgh, 1770. – Vol. II.
23. Hanway J. *An historical account of the British trade over the Caspian sea* / J. Hanway. – London, 1753. – Vol. I.

**О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
(опыт сравнительного анализа)**

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414026, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dissovtdm@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема организации материальной помощи действующей армии на территории Нижнего Поволжья в период Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны. Отмечены такие важнейшие направления материальной помощи, как денежные сборы на организацию вновь формируемых полков, приобретение и отправка в действующую армию продовольствия, покупка боевой техники (в 1812 г. строевых лошадей), добровольные пожертвования в пользу разоренных войной и раненых. Автором обозначена роль государственных структур в деятельности по организации материальной помощи. Сделан вывод о том, что их разнообразные формы и методы работы, несмотря на возникающие трудности, позволили эффективно организовать материальную и финансовую помощь действующей армии, создать для нее боевые резервы и сыграли немалую роль в победах нашего государства в отечественных войнах.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, добровольные пожертвования, ревизские души, фонд обороны, государственные займы, подарки фронтовикам.

**ABOUT SOME OF THE RESULTS OF THE STUDY ON THE FINANCIAL
SUPPORT ORGANIZATION FOR THE FIELD FORCES ON THE TERRITORY
OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE PERIOD
OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 AND THE WORLD WAR II
(the comparative analysis experience)**

Vinogradov Sergey V., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: dissovtdm@yandex.ru

The article dwells on the issue of the financial support organization for the field forces on the territory of the Lower Volga Region in the period of the Patriotic War of 1812 and the World War II. Among the most important directions for financial support mentioned in the article are the following: money collection campaigns for the new regiments organization, supply of provisions for the field forces, acquisition of the military equipment (chargers in 1812), voluntary donations in favor of the people suffered from the war and the wounded ones. The author defines the role of governmental institutions in the activity of organizing financial support. It is concluded that the different forms and methods of work, in spite of emerging difficulties, made it possible to organize the financial support for the field forces efficiently, to form fighting reserves and played an important role in the victories of our state in the Patriotic Wars.

Keywords: The Patriotic War of 1812, The World War II, Voluntary donations, Census units, the Defense Fund, Government loan, Gifts to the veterans.

Большую роль в достижении победы России в отечественных войнах сыграла материальная поддержка действующей армии. Материальная помощь фронту, оказанная населением нижеволжских губерний в 1812 г., выразалась в различных формах. В их числе денежные сборы на организацию вновь формируемых полков, приобретение и отправка в действующую армию волов и фур, покупка строевых лошадей, добровольные пожертвования в пользу разоренных войной.